

Белла Левинтова-Вейсман

Мосты через столетия

Чикаго
2009
PRINTIME

Моей бедной умной матери посвящаю.

Белла Левинтова-Вейсман

*Любя природу, изучая глазом,
Прожить свой Век со стекой,
Кистью и пером в руке.*

«Что может быть для человека интереснее человека»

Т.Н. Берков

Но корбило юность читать чужую интимность...

*«Меня охватывает непоколебимое отвращение при мысли
доверить бумаге тайны своего сердца»*

Густав Флобер

*Писатель стремится познать человека, а судьбы не
повторяются.*

«Просторнее слово, чем окрестность»

Белла Ахмадулина

Слово режет иногда, а точить не бритву, а перо.

Глава первая

Люди и страны

Дания. Вальдемар IV – «Atterdag» (1340–1375).

Что означает слово – «Atterdag»? Задумавшись, подходишь к дежурному у стола с вопросом, что это слово обозначает на датском языке. Прочтя его, он ищет его в словаре и не находит, значит. Такого слова нет. А ты в растерянности стоишь, не зная, как тут быть. Увидев волнение в глазах, сотрудник пошел к стеллажам к большим книгам, неизвестным – к энциклопедиям. Тебе и в самый раз самой залезть в словарь, и – вот чудо – на тебя глядит слово «atter», что означает – следующий. И ты быстро находишь, что такое «dag» – это день. А работник, подойдя, промолвил, что нет такого слова, и ты ему показываешь не одно, а два, которые в произведении срослись, а мысль этого оказалась – «Король завтрашнего дня!». Работник удивлен, а любопытство побеждает.

Король Кристиан II, отец ребенка, Вальдемара был горд назвать, именем великих датских королей Вальдемара I и III, своего первенца – Вальдемаром.

Надежда у больного короля хранилась, чтоб возродить былую славу, рассказывая сыну о доблести ушедших королей – ведь были короли не только по наследству, но по призванию... Таким стал в Дании в четырнадцатом веке его сын - Вальдемар IV.

Он спас Европу от натиска Тимура Тамерлана, сказав, что враг силен, но его боятся!

Принц, не дождавшись зрелых лет, но совсем еще был молод, а отец уже не управлял страной и уж совсем больной ему поведал с гордостью: «Мой сын! – наследник дорогой! Назвал тебя я именем высоким своих предков, гордись же честью такой, будь честен,

наделен умом и глазом метким; мне не дожить до зрелых лет твоих; я должен был уйти от дел; верши же подвиги за нас двоих».

Принц, подрастая, воспитывал себя в сознании долга пред страной и очень важно – пред собой! Он в радости или в беде будет силен и предков духом и отца мечтой. Безвластие тянулось восемь лет, лишь имя «Вальдемар» из тех гробов страну оберегало от врагов и он, не забывая об отце, молитвы совершал у отца гробницы:

– Опоры у меня не стало.
Как много знать хотел бы я,
Во мне смятение возрастало;
Я был так мал, а слабым быть теперь нельзя.
Я быстро повзрослел с твоим уходом
С надеждою на дедов след и память о тебе,
Я клятву перед богом дам,
Здесь над твоим захороненьем,
Что буду с доблестью и честью
Нашу отчизну охранять – ведь ты
Дал имя мне великих наших предков,
Которых до сих пор враги боятся,
И я не допущу врага

Перешагнуть границу нашу. Принц, не дождавшись зрелых лет, без денег и не вооружен, с надеждою на предков след пошел претендовать на трон. Его уверенность, что он уже король с благословения отца, сыграло свою роль; он коронован был тот час. Страна ждала его; по всей округе разнесся клич – наш Вальдемар подрос – Да здравствует Король! К нему стекались все датчане в помощники и воинами в войско. Отца привычка нанимать придворных при детях запомнил Вальдемар. И несмотря на молодость свою, его народ любил. Он доблестью светил и его ценил. И с юных лет не знал он отдыха. Ни празднеств и ни пьянства.



Но вот стране опять грозит беда, с востока враг несется.
Датчан сзывает Вальдемар – Друзья мои! Боролись мы
всегда врагу внезапно наносить удар! – Клич дан был
королем:

У рыбака и дровосека вырастают крылья
И глаз становится орлиным;
Ряд крепнет воинским талантом –
Дух их отцов не может быть забытым.

Идет солдат за рядом ряд...
Победной гордости крепя запас
Король из Западной Европы
Прогнал злого азиата.

Маргарет I (1375–1412)

Европа помнит до сих пор ее блестящее правление. Вот, что сказал когда-то писатель – Луи де Моппасан о королеве Маргарет I: «Женщины с их врожденной гибкостью как нарочно созданы для политики!»

Маргарет I со своим сыном Олуфом стала проводить в стране ту же политику, которую по наследству получила от отца – Вальдемара IV.

Но сын был с детства слаб здоровьем и скончался в юности в 1387-м году. Маргарет была замужем за королем Хаоконом VI Норвежским, а когда он скончался, то население ее провозгласило на престол, и она стала королевой двух государств и правила странами отлично.

История Европы переплетается издавна родственными узами: правитель Швеции – герцог Альбрехт Мюклей Бургский давний предок отца будущей Российской императрицы Екатерины II, и он решил захватить трон Маргарет I, которая в войне его победила и отвоевала у него Швецию, и он отправился в свое герцогство.

Она была знаменитой королевой, и мамыши детей воспитывали, будь, как Маргарет – учили детей – трудись, как королева. Не потому ли Дания единственная страна спасавшая своих евреев в гитлеровскую войну! Это не забывается!

А в то же время, народ Руси был задавлен владычеством Тимура Тамерлана. Дмитрий Донской, после Вальдемара IV, слух дошел и до Руси, разбил татар на Куликовском Поле в году 1380-м при царе Иване III, сплотившим Русь, отвоевав город Псков и Смоленск и Литву; он мог бы сделать еще больше для Руси, если бы не варварство и невежество...

Русь с XIV века

Еще столетие должно остаться позади, чтобы народ изгнал Тимуровых потомков из Руси, объединив все княжества в единую державу.

Тот век прошел, другой уж на дворе, когда Иван царевич коронован был в году 1580-м.

А еще задолго до того события свершались не чистые, а скрытые, смертельные...

Оттуда начинается история бесчинств еще при малолетнем Иоане – будущем Грозным, а Иван-царевич коронован был в году 1580-м; события свершались еще при ребенке Иване IV. Тогда в монастыре задушен был благородный царь Иван III. Об удушенном царе умалчивают энциклопедии, а не в угоду ли невежеству? И сына Ивана Колиты вычеркнули из истории в угоду убийц-невежд.

А вот Бориса вычеркнуть не удалось им. Хоть и убрали скверностью из жизни раньше срока. Листая страницу за страницей. Люди, желающие оправдать Бориса, ничего не могли поделать и шли по белому, а в темное не заглянули. Разгадка созревала целое столетие – ведь логика издавна в почете, но про нее забыли, а вспомнив, со вниманием к истории Руси вернемся, когда царевичу Ивану было три года, его отца он не видел несколько дней и тогда спросил у матери: «А куда подевался мой отец – царь Василий?». А «умная» мать ребенку говорит: «Твой отец был плохой; он мне сказал, что на престол хочет посадить своего племянника – он, говорит, умный, а наш Иван не такой умный, как его племянник. Вот я его и заманила в монастырь и заперла там, наши люди его и убили. Теперь ты будешь царь. И кто тебе поперек слово скажет – приди мне, скажи. Я им покажу, как наследника уважать надобно».

А как царевич в три года воспринял эту новость? И он это вскоре показал, в семь лет боярина Шуйского отослал в псарню к собакам на растерзание. А сам

- 8 -

мальчик не додумался бы до такого злого дела, значит, злое невежество управляло психикой и действиями ребенка царского – не мамаша ли?..

А Шуйский у юного царя боярином ходил и в юности ему служил. Про растерзанного дядю Шуйского, боярыня племяннику ту историю секретную рассказала. И на Шуйского это так подействовало, что он стал Ивана заводить под злые вроде шалости. Так Шуйский с юности царя Ивана в грозного заделал доносами на тех, кто его – боярина Шуйского – недолюбливал, замечая, что он влияет на царя отрицательно. А Пушкин знает, намекая... «как весело провел ты свою младость, ты видел двор и роскошь Иоанна» – не для забавы Пушкин это написал, с намеком. И дальше следует: «Ты рать Литвы при Шуйском отражал» - и это лишь намек, который дан нам для раскрытия, и это правда.

Шуйский льстил царю, он приобрел большой опыт, он оказался очень большим психологом и очень хитрым.

Просто не верится, что историкам – защитникам Бориса не бросаются в глаза эти намеки. Неужели вы после юных лет перед поездкой в Углич не перечитали его книгу от основания до конца?

А во время того, когда Иван IV стал править сам и расправлялся со своими полезными для России людьми, один единственный боярин спасся – Андрей Михайлович Курбский был спасен и остался в Литве. А Иван Грозный, ссылаясь на Эдипуса, приводил примеры невпопад, – «Почему не пожелал князь принять муки и смерть от своего владыки?!»

Вскоре пришло время покаянья, князь Шуйский терпеливо делал свое дело исподтишка и осторожно...

Ивана Грозного уж нет в живых, а Шуйский терпеливо дождался этого, но он знает, что есть еще наследник, а на престоле его старший брат, он болен, но у него умный, опытный правитель Борис Годунов, а царь Федор царствует с благословенья Богом. И имя управителя уже узнал народ: татар не стало слышно – Борис их усмирил.

Люди в себя пришли, обзавелись хозяйством, оседлость на южных плодородных землях началась с Бориса.

Спокойно жизнь тогда текла, и Шуйский был – заметная фигура, и Борис его не распознал.

А между тем в Россию проникали слухи, что католическая церковь в Европе насаждает католичество монахами, и часто свершались кровавые дела вовсе не в пользу католической религии. Франция, где Валуа король был католиком, погиб от руки монаха, там Гизы к трону пробивались в то время. И после этих слухов в то же время был зарезан царевич Дмитрий монахом, только сильная рука может одним ударом снести голову с плеч. Так прекращался род Ивана Грозного. Царь Федор очень трудно пережил этот удар; он и так был очень слаб, а тут совсем ушел в себя и больше был в постели; он тихо уходил из жизни. Благодаря Борису Русь процветала, отдыхая от набегов и пожаров.

Об этом факте и в защиту Годунова молчит просвещенная Россия, и История вычеркивает личность. Тут Пушкин был не прав, не сказав в защиту Бориса, а сделал все наоборот – потому что его фраза, которую он предложил истории, что – «народная молва всегда права» – это мог сказать неграмотный, не испытывший сплетен на себе человек, но не поэт, как Пушкин (боясь цензуры). А что такое – народная молва? Это народ без своих мыслей, он идет покорным выводком за уткой по ложному пути. А летописец сочиняет то, что требует боярин. Писатели, поэты боятся, трусят сказать правду, как бы чего не вышло. Завуалированный Пушкин все видит сердцем и умом, а художник – острым глазом!

Царь Федор не выдержал злодеянья и тихо ушел из этой жизни. В то время весь народ, который не был еще отравлен наговорами и коварством, единогласно выбирал себе в цари благородного и умного Бориса Годунова. И этого не мог сломить коварный ум боярина Шуйского. А Пушкин всегда видит событие: он в книге

Воротынскому наветы предлагает. Шуйский Воротынскому: «Давай народ искусно волновать,
Пусть они оставят Годунова,
Своих князей у них довольно,
Пусть себе в цари любого изберут».

Так говорится, а думается только о себе. На следующий день, когда Борис был избран, он князю Воротынскому иную песню пропоет (он не забыл вчерашний разговор), он князю Воротынскому уж по другому напевает.

«Теперь не время помнить, советую порой и забывать, а впрочем, я тебя лишь испытать хотел, верней узнать твой тайный образ мыслей». Князь Воротынский сквозь зубы, ему вслед: «Лукавый царедворец!»

Пушкин характеры раскрыл, приближая нас к истинным причинам изворотов Шуйского.

Одно безумство рождало множество
Безумств, как та Античная Медуза
Со змеями на голове вместо волос.
– Одна надежда на Персея Века! –

Сон Бориса Годунова. Диалог его с князем Федором Романовым.

Какой уж день Борис в монастыре с сестрой своей – царицей скорбят по Федору царю и о царевиче невольно вспоминают. А слез своих царица сдержать не в силах и долго еще будет причитать. Сестру свою Борис старается отвлечь от горьких мыслей – Не плачь, сестра о нем – давно то было злодеянье: Романовым он был не нужен, да и Рюрикову роду – тоже. А более того – не нужен им боярин Годунов, кто правил бы делами Дмитрия – царя.

Во всем невольно я причинной – все камень прячут за спиной, как бы пустить его в мой затылок. И голос громом раскатился, содрогая свод монастыря. Вдова вздыхала, брат приумолк – пусть отдохнет, ведь столько слез она пролила – бедная моя сестра. Борис прикрыл

глаза. «А не пророчество ли это? Мой сон вчерашний... Что там за шум?» – Широким шагом он вышел на крыльцо, а там народ; он к Федору Романову оборотился с речью: «Зачем пожаловал, Боярин? Людей ко мне привел, а ты меня не трож, дай мне с сестрою горе перенести.» И уходить собрался, но властной рукой, тряхнув расшитым рукавом, остановил его Романов; его кафтан сверкал не хуже царского; весь выткан жемчугом ильменским и золотым шитьем по голубой парче – всегда на зависть всем боярам. Он в сапогах сафьяновых с узором вышитым с позолотою. Федор щеголевато ходит и впрямь походка властная, а движения рук полны достоинства по царски. Но он в беседе прост; он слово веское сказать Борису Годунову хочет, не громко, обстоятельно он речь свою ведет – сам ведь из опытных... оратор! «Послушай, что молвлю я – не для себя сюда пришел, не в гости к тебе, а вот я вижу, что нет округ меня среди бояр иного, достойнее тебя отчизной совладать, границы защищая, за столько лет Русь отдыхала от набегов, разорений... Политику я знаю, и дипломат не лыком шит, да многим языкам обучен; любовь имею к делу своему, а вот вести хозяйство в нашем царстве ты славен стал, Борис; за Федора царя поклон тебе глубокий, да бескорыстием своим господь тебя отметил – поможет он и царствию стоять. И мы – Романов род (тут он свой глаз скосил на братьев и на дядек, да так, что кое-кто потупил взор) в рядах твоих с мечом и правдой Русь встанем защищать стеной».

Борис, ушам своим не веря, князю отвечает: «Твое здесь царство, Федор, бери его на царствие, а то такие речи ты ведешь! Ведь сам прямой наследник и не сыскать иного, знающего дело государево, да вот он – есть! Ты, князь! Неужто я доверие твое так заслужил? Престол по праву твой, пошто мне отдаешь?» Тут только Федор понял, что Борис ему не верит. Он с добрым сердцем отвечает: «Я честность вижу и заботу об отчизне; людей не сторонисься – готов в беде помочь, а главное – в

решеньях непреклонен. Ты знаешь, что не лесть, а правду молвлю. Отчизну уважать, поди поцарствуй в спячке или в пьянстве и царствия, как не бывало – пошло оно и вкривь и вкось. Народ едино думает, тебя он прочит на престол; я избирательную грамоту принес и оную сам первый подписал. Здесь все бояре подписаться рады. (Все головами закивали). Гляди, здесь вся Москва!» Борис окинул взглядом всех, в народ взгляделся, люди настороженно ждали, тут уж Борис согласие свое дал. Сестра его в окно глядела во слезе...

Князь Василий Шуйский

Тем временем боярин подходил к толпе. Он бормотал под нос – вот, запоздал я с князем Воротынским разболтался; мне бы тута бытии – иную смуту заварить... Да – ведь в толпе негоже – такое не по мне» с моей смекалкой я заново отделать все горазд. На бесноватого я находил приманку – у царя я хитрости учился, а уж донос ему писал с его намека, а он уже грозит смертями...

А с Борисом все иначе – тут надобно в глаза ему глядеть, да не моргнув, стоять... Да разве ж я не уважаю Годунова, или послушаться могу? Благоговею перед ним и нет зависти тогда, или сказать чего могу?.. Вот ведь – какая штука?!.. да, он по чести правил Федору. Такая силища в характере! Татар своих, как тараканов разогнал. И то б стоял я за него горою, да – ведь престол не гоже упускать. Зато уж за воротами велю искать крамолу, а коли найдут и он запляшет. Борис – татарин от Малюты; он одинок – кто на его защиту встанет?.. Вот я и молвлю – ведь мы-то Рюриковой крови – уж не наследовать престола – грех.

А Воротынский слаб, куда ему!? Ведь в ту годину и его дядьям досталось – живыми ног не уносили! Мне с ним поласковее надо быть – он гоже мне будет ближе ко престолу, да и Романовы... не все из молодых... мой

глаз давно приметил – небось, у них ворча под языком, а ты Василий тех лошадок не овсом, а зелью подкорми. Но от старшего держись, боярин, стороной, смекалист больно – зло глядит, а ты не торопи событий, всему свой час – придет и он! – А вот толпа гудит, как муравейник. Он растолкал толпу – не быть мне первым, но и не желаю быть последним. Он вензель свой на лист поставил, а, уходя, улыбку прятал в бороду. «Политика!» – подумал уходя.

Нить только одного червя точило яблоко
Столетия от Грозного царя
До восхождения Василия в Кремле.

Вот что написано в книге Костомарова, который очень тщательно исследовал события того периода в поисках причины многих бед столетия.

Николай Костомаров дает описание о «Следственном Деле» по поводу убиения царевича Дмитрия. Образа, скрытого от глаз читателя, боярина Шуйского разгадать Костомаров не сумел, подозревая именно его, но, не смея произнести обвинение вслух потому, что доказательств не нашел. Но дал писатель нам намеком, в чью сторону глядеть, кто все время жил во лжи, но на опыте с Иваном Грозным, он научился скользить и очень хитро все проделывать, думая, что мы подумаем плохо о Борисе Годунове – вот тут была его надежда. Но слишком чист был Годунов и во многом был замаран их хитроумными делами. А на Бориса тень его вредительства не пала.

Григорий Отрепьев

Один остался в келье отрок... задумался – ждать ли ему Пимена? «Чем камень тверже и плотнее, тем трудней размывать его водой». Монашек положил ладонь на ту строку, где о царе Борисе Пимен скверно написал. К заутрене торопится, а уходя, в дверях потупил взор,

зрачок колючий спрятал. А седина – ведь старости
намек. Ты смолоду наделал столько бед! И для меня
припас что-то неладное...

Но я не твой хомут надену;
сам преломлю к своей великой цели;
сей час уйду к столице польской.
Что ждет меня в Дороге дальней
Венец из лавра, либо злой огонь кнута?
Не для того я мыслю о себе, чтобы
Разжалобить Историю своей кончиной, нет,
Я о своем рождении год в год с царевичем
Задумался, тогда уж и моим отцам-боярам
Хвалу воздам – тогда бояр Отрепьевых
Не худо б людям вспомнить; и это ль
Не судьбы моей Влечение?!

Я умереть готов за дедов своих – честь!
Достал я уголёк потухший из костра,
А он как вспыхнет на моей ладони
И осветит меня с Мариной, будто я
С ней сидел... во сне ли было, наяву?
А Мнишек, говорят, что стройная сосна!
Одна она глубоко впала в мое сердце
И жжет она – моя далекая звезда!
Пора и мне познать свою любовь –
Она зовет меня куда-то в лес.
Я не за ней пойду
И мне плясать не польский полонез,
Красавица пойдет за мной,
неужто шляхта гордая пренебрежет Москвой?!

Царем Димитрием взойду я в город
Свой и буду там, покуда богом будет это мне дано!
От бедности мои прадеды с даром
Выбились в бояре, среди других бояр
Умом превосходили, да зависть лютая
Сгубила моих предков; детей и внуков
Раскидала по дорогам пыльным.
Я там мальчишкой был наслышан

О тех боярах и князьях и как царя
Когда-то убивали в монастыре...
А бедность по дорогам пыльным пробиралась,
они же в жемчугах большой руки
С камнями, сапфирами. и златом бахвалились
За спиной моих отцов и дедов.
А я геральдикой священный сан украшу
Достойных мне людей, ежели судьба!
Я предков своих Память воскрешу,
Бог даст хоть на года!

Много дорог тогда я исходил, всех имена тогда узнал;
бродил голодным и промерзшим и в дождь и в снег и в
зной, чтобы побольше мне о них узнать.

Шел я однажды от одного монастыря до другого и вижу,
на дороге лошадку из последних сил телегу без колес
тянет. Ямщик на облучке стонал, сползая – все повто-
рял – воды, воды испить...

Я в плошку зачеркнул из ручейка и напоил его; он
выдохнул улыбку и жизнь свою. А я лошадку отвязал,
пустив ее к воде, похлопав по спине, и отпустил ее на
волю – на удачу, а мой «покойник» вдруг открыл глаза и
положил мне на руку цепь всю в крови и произнес –
«Храни тя Бог»! – Он тихо отходил.

Я помолился за упокой его и кое-как предал его земле.
Смывая кровь с цепи в ручье, увидел я цепь золотую, да
с медалью с почернением; такой красы не видывал я
даже в церкви, и в голову пришло – «Да он и не ямщик,
он князем был», - и я надел её под грязную рубаху.

Тогда я гордо шел, почувствовал, что кто-то за мной ещё
идет, и обернулся и увидел ту лошадку. «Ты не пошла
искать удачи, меня ты выбрала в хозяйева»! Я приласкал
ее по мордочке и гриве.

Мы дружно шли к монастырю, и было весело шагать –
меня ты выбрала – ведь ты увидела, когда хозяин твой
барин передавал свое добро мне по наследству, и
посчитала, что и ты мне принадлежишь. А мне тогда

отроду было не больше десяти – меня расстригой обзывали, а я не брал, мне подавали, если я просил. Монахи пожилые в Монастыре лошадку приютили. Монахи говорили «твоя лошадка»... Я говорил: «пусть вам послужит». Она довольная, кивала головой мне, когда я приходил, она фыркала от радости и ласку мою знала.

Так вспоминал монашек, жизнь свою, бояр Отрепьевых, пока шел к Польше. Под свой упругий шаг Отрепьев произнес свою первую коротенькую речь; она была обращена в небо к Богу и слушали ее вороны и кусты и небо на тех дорогах пыльных.

Когда донос Пимена на Бориса уничтожу, мне все поверят, что наследника никто не смел убить, тогда воздам я келье той все почести – ведь там и жизнь и озаренье ко мне пришло; они Бориса не взлюбили. Тогда и будет им по нраву служить Димитрию Царю – мне, мне – Григорию Отрепьеву!.. И буду я помазанником Божиим на Белокаменной Москве!

Монах Пимен

Оставшись в душной келье, проводив монаха до дверей, захотелось заглянуть Пимену в глаза... А летописец засеменил к стене, чтоб там набраться свежих сил – придти в себя от духоты и мыслей, приработав в памяти совсем не старой, которая тревожит, поднимая прежний страшный груз, а у стены ему как у небес; оно и правда – думается, дышится легко.

– Монашек знает больше, чем я думал; он

Вроде бы, не так наивен. – Пимен вздохнул.

– Я Григорию оставил лист открытым, пусть почитает; он о Борисе должен знать все от меня. –

Вздохнул он тяжело – да, его вопросы теперь

Другие; он их колюче задает. За ним следить мне надо б; его нельзя оставить без вниманья

Припомнив юных лет потехи, Пимен упрятал что-то, а стена не знает – вот и хорошо. И на душе легчает; он весь поджался; глаза Пимена блеснули остро из-под ресниц и руки сжались в кулаки, но не против Пимена те думы – а его теперь просто не узнать за мягким и неслышным и кошачьим шагом.

– А тот ли это старец, кто намерен клал поклоны с жаром к господу? – Его попутчик тоже наблюдал... и тихо произнес: – Иного летописца седина его возводит в сан святого, неважно, чем грешил, а в церкви вымаливаются грехи все напоказ. – И старцы сегодня не пошли в собор молиться.

Вот пополудни монах Пимен опять смиренным старцем семенит к монастырю, он как всегда опять стоял в раздумье, – лишь ей, стене, он доверял свое душевное...

– Мне жаль монашека; рос на моих глазах. Бездомным сиротой к монастырю пришел, Григорием назвался; его впустили тот час. Обмыли, покормили. Не плакал, но вздыхал и тихо говорил, отвечая на вопросы.

Смышлен, всему учился, вопросы задавал, все о боярах, да царях. Так и сейчас его история ушедших занимает, оттого, что он родных своих не помнит, когда осиротел. Он хочет знать из какой он колесницы выпал на дорогу. Пимен вздохнул, но в тот же миг другие мысли увели его в другое русло – ведь он тем путем сюда пришел.

Старец вздохнул, открывая дверь в келью, но Григория там не было. Растерянно глядел он и на лист бумаги, – да, он его читал – Пимен заметил, что лист слегка помятый и это обстоятельство почему-то больно закололо в сердце. Ему казалось, что ночь никогда не кончится.

- Мое сердце оборвалось, не увидев в келье Григория, лишь этой ночью – сегодня... я понял, как к нему привязан я. Он был отражением моей судьбы – ведь я таким же сиротой приют нашел в монастыре. Воспоминанья вдруг поплыли по другой тропе: – Вошел ко мне боярин, да не один, со свитой... – Кланяйся боярину в

ноги! Потребовал, а золотые горы обещал, если дело сладится. Невесту из своих молодых показал, да где ж она? Досталась ли кому?

А она как глянет на меня – вся и зарделась и глаза прикрыла, будто согласна. Вот я б его...!! Да ведь молчишь – себе б не сделать худа... А инока мне жаль. Вежливый и честный парень. Я только о нем молюсь теперь. Дай Бог ему удачи и покоя. Пимен сегодня ночью все свои дела прошедшие перечеркнул в ярости и в гневе за сиротства в жизни.

Царь Борис – народом избран на Руси

Нельзя на добрые дела
Натянуть грязную рубаху.
Ведь чище не было царя!
Достойно государит царь,
Но иногда его гнетет незваная тоска.
Это не злость бояр, не зависть... –
Молва народная терзает его душу:
– Простые люди обвиняют меня
во всех земных грехах. Откуда это?
Не я ль закрыл границы от врагов,
Спасая их дома от пожаров и разора;
Не ими выбран я на престол Руси?!
Живите с миром, который вам дарован
Умножайте свои семьи; детей учите
Ремеслу, наукам и искусствам.
За все заслуги я плачу доверием и златом
Чины по справедливости дарую,
Готов всегда и каждому помочь
Дворы расширить и улучшить,
Но, вот – донос!! –
Как молнией царя пронзило,
Неужто – из Романовых?!
У них, у молодых – колючий
Глаз я видел, как обернешься... –

Борис задумался – Судить! – Принять решение!..
Да ведь давно то было и о Романовых народ забыл, а
воздух над отчиной как нарыв назревший вот, вот
лопнет... Он так же накален и потому я чувствую –
Преддверие к Беде. – Думая о том – царь Борис идет в
старинные палаты, где трудится над картой наследник –
Федор – сын Бориса. В палатах у большого дубового
стола репетирует, чтоб отцу сказать все главное. На
карте уже все обозначено; города и реки, горы и озера,
обведены границы. Он проверяет свою память.
– Вот предо мной карта нашей родины от края и до
океана, и карта впечатляет.
Сын Бориса знает все ресурсы, залежи. Он уверен в
своей правоте, но все же волненья ему не унять:

- Оценит ли отец мою работу?
Или побьет за что-нибудь...
А отец не взбешен, не Ивана
Четвертого спесь; он не кинется
С палицей к сыну, – он доволен
Вполне – ведь ученого сына взрастил!
Он мне умное слово сказал,
Да, уж поздно – ведь напрасно
Я Юрьев день отменил
Сгоряча, не увидел в подсказке –
Заноза торчит – да уж поздно об этом...

Но напрасно – Борис, ты считал это поздним, ты бы
вдумался в тот закон и нашел бы тогда, чем его
обновить и улучшить для люда. Тут тебя б и возвысили
люди. Но сегодняшний сказ не услышать тебе. Очень
жаль! Призадумался царь о заботах своих и печалях. –
Не так часто с семьею беседы веду, чтоб детей
подбодрить, похвалить за подмогу. – Всё – дела... –
Вспоминаю Ирину – супругу мою, как блестяща была,
величава под короною – сероглаза и черноброва в
наряде своем выступала и сама-то его сочиняла. И тогда
Патриарх Иеремий мне на ухо шептал – как она у тебя
величава румяна и хороша, вот когда она преподносит